44959

Г. С. Чириков

Каменные бабы

в

Харьковской

губернии.

Х-83.4 | 44559
4-64 | 1130643
Чурилов Б.С.
Каменные бабы
14.01.86
30.03. Демченко
Золотарев

Г. С. Чириковъ.

Харьковской Обществ. Библiотеке
отъ Харьков. Предв. Ком.
по XII арх. Съезду

КАМЕННЫЯ БАБЫ

ВЪ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ХАРЬКОВСКАЯ
ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛIОТЕКА
МАЯ 1902
№ 44959

ХАРЬКОВЪ.
Паровая Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
(Рыбная улица, № 30).
1901.

Г. С. ЧИРИКОВЪ.

Каменныя бабы въ Харьковской губерніи.

Какъ ни ново заселеніе Харьковской губерніи, говоритъ А. И. Артемьевъ въ своемъ очеркѣ исторіи Харьковскаго края по 1765 годъ (Городскія поселенія въ Россійской имперіи, томъ V, часть I, Спб. 1865), однако на всемъ обширномъ ея пространствѣ встрѣчаются многочисленные остатки или, точнѣе сказать, слѣды обитанія или становищъ такихъ народовъ, о которыхъ мы не знаемъ ничего положительно вѣрнаго и должны удовлетворяться лишь одними, болѣе или менѣе вѣроятными догадками и соображеніями. Безчисленные курганы, городища, съ названіями чрезвычайно странными, при томъ курганы и городища, извѣстные въ такомъ видѣ съ XVI столѣтія, доказываютъ, что они уже и въ ту пору считались остатками какой-то забытой эпохи. Затѣмъ большое количество такъ называемыхъ бабъ, древнія монеты римскія и арабскія первыхъ вѣковъ существованія халифата и тому подобные предметы, находившіеся, находимые и встрѣчаемые въ разныхъ мѣстахъ Харьковской губерніи, такъ сказать, служатъ гранями разныхъ періодовъ исторіи этого края, незаписанной ни въ какія хроники, но понятной для внимательнаго изслѣдователя. Къ сожалѣнію должно сказать, что хотя нѣкоторыми любителями древностей и обращено было вниманіе на многіе изъ поименованныхъ памятниковъ, однако никто еще доселѣ не изучалъ всѣхъ ихъ въ совокупности, систематически, въ соотношеніи одного съ другимъ.

Изъ числа описанныхъ въ Харьковской губерніи 43 городищъ, половина находится по берегамъ Сѣвернаго Донца и нѣкоторыхъ его притоковъ, около трети—по теченію Псла, а остальныя—вблизи Ворсклы. Курганы встрѣчаются повсемѣстно, однако замѣтно въ большемъ количествѣ въ южной и восточной частяхъ губерніи. Бабы находятся исключительно въ южной половинѣ (особенно въ уѣздахъ Изюмскомъ и Зміевскомъ), откуда непрерывною полосою переходятъ въ сосѣдніе уѣзды Екатеринославской губерніи. Остановимся на этихъ послѣднихъ памятникахъ старины и изложимъ въ сжатомъ видѣ общія свѣдѣнія о нихъ, имѣющіяся въ археологической литературѣ; затѣмъ соберемъ всѣ археологическо-статистическія данныя о нихъ въ настоящемъ краѣ, какія были добыты до сихъ поръ немногими изслѣдователями.

Въ глубочайшую эпоху обитателями Харьковскаго края, по всей вѣроятности, были именно тѣ народы, которые оставили по себѣ курганы съ стоящими на нихъ грубыми каменными истуканами, извѣстными нынѣ у насъ подъ названіями бабъ [1]). Былъ ли этотъ народъ аборигеномъ здѣшнихъ мѣстъ, или явился сюда пришельцемъ—утвердительно сказать нельзя; но несомнѣнно, что онъ занималъ громадныя пространства: не смотря на безчисленное множество уничтожившихся бабъ, ихъ и теперь еще множество встрѣчается въ степяхъ, начиная отъ сибирскаго Енисея и оканчивая подножіемъ Кавказа и устьемъ Днѣпра [2]). Въ статьѣ графа А. С. Уварова: „Свѣдѣнія о каменныхъ бабахъ“ (Труды перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ, 1869 г., ч. II, Москва, 1871 г.) мы находимъ интересный обзоръ какъ свѣдѣній, которыя имѣются теперь о каменныхъ бабахъ, такъ и мнѣній писателей о происхожденіи этихъ памятниковъ. Самое древнее свѣдѣніе о нихъ находится у Рубруквиса, миноритскаго монаха и посланника короля Людвига IX-го къ Монгу-хану въ 1253 году. Рубруквисъ, проѣзжая чрезъ южную Россію и замѣтя истуканы, стоящіе на курганахъ, приписалъ куманамъ (половцамъ) обычай ставить ихъ. „У нихъ есть обычай дѣлать изъ земли насыпи надъ могилою покойника и воздвигать ему статую съ лицомъ, обращеннымъ на востокъ и чашею, которая держится у пупа“. (Русск. Ист. Бестуж. Рюм. I, 157). (Pour les Comans, ils ont coutumes d'élever une motte de terre sur la sepulture du mort et lui dressent une statue la face tournée à l'orient et tenant une tasse en la main sur le nombril. Bergeron, Voyage de Guillaume de Rubruquis, chap. X). Кромѣ этого единственнаго древняго показанія очевидца Рубруквиса встрѣчается во многихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ ошибочное мнѣніе, что Амміанъ-

---

[1]) Не отсюда ли происхожденіе пословицы: „Стоитъ какъ каменная баба?“, см. *В. И. Даль*, Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Моск. 1863, ч. I, стр. 28.

[2]) Эти статуи разставлены вмѣсто вѣхъ по дорогамъ: таганрогской, орѣховской и маріупольской, для указанія пути зимою (*Старчевскій*, Справочный энциклопедическій словарь, изд. К. Крайя. Спб. 1849, т. 2, статья „Бабы“).

По большой почтовой дорогѣ изъ Харькова въ Ростовъ, еще отъ Бахмута начинаютъ попадаться частыя пирамиды по сторонамъ дороги, указатели дороги во время мятелей. Эти каменные знаки, сначала въ видѣ простыхъ насыпей, мало по малу переходятъ въ правильно сложенныя четыреугольныя пирамиды, нерѣдко даже обмазанныя глиной. Иногда вмѣсто пирамидъ поставлены каменныя бабы. И тянулись пирамиды безконечнымъ рядомъ, въ параллель съ безконечнымъ рядомъ телеграфныхъ столбовъ, съ которыми такой странный контрастъ составляютъ каменныя бабы: однѣ—памятники давно минувшихъ временъ варварства, какъ говорятъ историки, другіе—проводники новѣйшей цивилизаціи, стремящейся побѣдить всякія разстоянія и сдѣлать передачу человѣческой мысли столь же скорою, какъ скоро и складывается мысль въ умѣ человѣка. (Изъ моего путеваго дневника 1867 года).

Марцеллинъ (писатель конца IV вѣка, уроженецъ Антіохіи) говоритъ о каменныхъ бабахъ. Академикъ Клапротъ (говоритъ графъ А. С. Уваровъ) первый, какъ кажется, сдѣлалъ эту страшную ошибку, опровергая мнѣніе Рубруквиса и приписывая каменныя бабы Гуннамъ; онъ переводитъ слѣдующимъ образомъ слова Амміана-Марцеллина: „Sie (die Hunnen) sind von sonderbarer Gestalt und so krumm, dass man sie für auf zwei Füssen gehende Thiere halten konnte oder für solche grobgearbeitete Pfeiler in menschlichen Gestalt, wie man sie an den Ufern des Pontus sieht". (Они, Гунны, рѣдкость лицемъ и такъ согнуты, что ихъ можно принять за двуногихъ звѣрей, или за тѣ грубо обтесанные столбы съ человѣческимъ лицемъ, какіе можно видѣть на берегахъ Понта). Между тѣмъ въ подлинномъ текстѣ Амміана-Марцеллина стоитъ: LXXXI. II „... compactis omnes firmisque membris, et opimis cervicibus: prodigiosae formae et pandi, ut bipedes existimes bestias, vel quales in commarginantibus pontibus effigiati dolantue incompte", т. е. „...всѣ (Гунны) съ толстыми и крѣпкими членами и съ толстыми шеями удивительнаго склада, и согнуты такъ, что ты ихъ примешь за двуногихъ животныхъ или за тѣ изображенія, которыя сдѣланы были безъ искусства на мостахъ съ перилами". Это странное непониманіе Клапротомъ подлинныхъ словъ Амміана-Марцеллина повторяется и у другихъ писателей, какъ напр. у Палласа, Кеппена, Г. И. Спасскаго, Терещенка, Филарета.

Вторымъ, по времени, указаніемъ или точнѣе намекомъ на существованіе каменныхъ бабъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, напр. Н. И. Надеждина и графа А. С. Уварова, можетъ считаться сказанное въ Словѣ о полку Игоревѣ: „.... Дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ (половецкой землѣ, степи), Вълзѣ и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутороканьскый бълванъ" [1]). Но гораздо правильнѣе будетъ принять мнѣніе объ этомъ истуканѣ П. Савельева, который говоритъ: „Пѣвцу *Слова* нечего было бы упоминать объ одинокомъ дальнемъ *болванѣ*, если бы онъ разумѣлъ подъ нимъ простую *бабу*, какихъ цѣлыя сотни находились тогда и доселѣ еще встрѣчаются въ степяхъ южной Россіи. Онъ разумѣлъ, вѣроятно, что нибудь позамѣчательнѣе этихъ бабъ, именно одну изъ древнихъ статуй, которыя еще сохранялись въ его время въ предѣлахъ Босфорскаго царства. На Таманскомъ полуостровѣ, близъ Тмуторокани, почти до прошедшаго столѣтія стояли еще двѣ колоссальныя статуи, воздвигнутыя божествамъ Санергу и Астартѣ за 300 слишкомъ лѣтъ до Р. Х. Комосаріей. супругой Босфорскаго царя Перисада. Ихъ то, или одну

[1]) *Поморіе*—мѣстность на берегу моря; *Посуліе*—мѣстность по берегамъ рѣки Сулы; *Сурожъ*—Азовское море; *Тьмутороканьскый бълванъ*—вмѣсто Тмуторокань, на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей, занятой тогда половцами.

изъ нихъ, и могъ разумѣть пѣвецъ Игоря, говоря о болванѣ Тмуторо-канскомъ (Извѣстія Импер. Археолог. Общ., т. I, вып. 3, Спб. 1859).

Наконецъ свѣдѣнія о каменныхъ истуканахъ встрѣчаются въ книгѣ Большаго Чертежа (изд. Г. И. Спасскаго, Москва, 1846): „а на рѣчкѣ на Терновкѣ стоитъ *человѣкъ каменный*... на Самарѣ и у дву *дѣвокъ каменныхъ* (Екатеринославской губ. Павлоградскаго уѣзда) — *люди каменные болваны* противъ тое соли, что емлютъ Азовцы" (въ окрестностяхъ Маныча въ Ставропольской губерніи). Въ старину у насъ называли эти бабы „дѣвками каменными"; съ тѣхъ поръ онѣ постарѣли и теперь зовутъ ихъ не иначе какъ *бабами*, а ихъ кавалеровъ — *баба-мужикъ*. Названіе *баба* и указаніе на такіе истуканы встрѣчаются у Герберштейна и у Гваниньи. Путешественники по южной Россіи, Кавказу и Сибири, начиная съ академиковъ XVIII в., представили и описанія и изображенія каменныхъ бабъ; о нихъ говорятъ: Фалькъ, Гюльденштедтъ, Палласъ, Лепехинъ, Зуевъ и многіе новые изслѣдователи. Въ музеяхъ: Одесскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ находятся ихъ образцы.

Каменныя бабы представляютъ людей обоего пола и повидимому всѣхъ возрастовъ: юношей, дѣвицъ, мужчинъ и женщинъ; это замѣтно, не смотря на грубость изваяній. Признаками пожилаго возраста для мужскихъ истукановъ служатъ усы и вообще всѣ черты лица; для женщинъ—общій складъ тѣла, не смотря на грубость работы. Иные истуканы изображены въ полусидячемъ или сидячемъ положеніи, другіе—нагнувшимися или въ прямомъ положеніи. Камень, изъ котораго они сдѣланы, всегда мѣстный или известнякъ, или песчаникъ раковистый, или гранитъ сѣроватаго цвѣта [1]) Мужчины изображены съ остроконечною шапкою или съ круглою, въ видѣ ермолки, съ какими то украшеніями; иногда ермолка имѣетъ поля. Встрѣчаются истуканы и съ открытою головою. Напротивъ того женскіе истуканы имѣютъ головной уборъ совершенно своеобразный — въ видѣ или остроконечной шапки, или шапки съ широкимъ верхомъ, или иногда низенькой круглой шапки съ узкими полями [2]). Эти различныя шапки надѣты на головы, причесанныя косами и съ повязками на лбу. Иногда подъ шапкою виднѣется узорчатая накладка съ бахрамою. Серьги попадаются какъ у женскихъ, такъ и у мужскихъ истукановъ, по одной въ каждомъ ухѣ. У всѣхъ женщинъ волосы за спиною заплетены въ двѣ косы, между тѣмъ какъ

---

[1]) Простой известковый камень; дикій камень. Бѣлый плотный известнякъ (Херс.), красный песчанникъ — у Falk'a; изъ бѣлаго камня — Палласъ. Цвѣта: сѣрый—6, желтый—1, темно-желый—1, свѣтло-желтый—2, (Фатѣевъ).

[2]) Остроконечныя шапки на мужскихъ истуканахъ напоминаютъ шапки китайцевъ (Klaproth). На головѣ—кольчужная шапка (Зуевъ).

у мужскихъ истукановъ, судя по отсутствію волосъ на вискахъ, надо предположить, что голова представлена обритою, за исключеніемъ задней части, съ которой по спинѣ падаютъ длинныя волосы, переплетенные въ три косы, перевязанные на крестъ, иногда въ три конца, иногда висячія по спинѣ. — Встрѣчаются каменныя бабы обоего пола совершенно обнаженныя, на другихъ верхняя часть тѣла до пояса обнажена, и наконецъ, на третьихъ видны слѣды полнаго обнаженія. Къ роду бабъ, съ обнаженною только верхнею частью тѣла, могутъ принадлежать и тѣ истуканы, у которыхъ не замѣтно у рукъ слѣдовъ оканчивающихся рукавовъ. Такія изваянія, когда они мужскія, имѣютъ на обнаженной груди какое то наплечное украшеніе съ бляхами спереди. Но такъ какъ эти украшенія повторяются и на тѣхъ изваяніяхъ, которыя одѣты въ кафтаны, то, вѣ оятно, эти мужскія фигуры не обнажены вовсе, а только неискусный художникъ не съумѣлъ явственно изобразить кафтанъ. Что же касается до женскихъ фигуръ, то обнаженность одной верхней части тѣла несомнѣнна. Онѣ до пояса совершенно голы, только на шеѣ имѣютъ или ожерелье изъ бусъ, въ одинъ, два ряда, въ три ряда бусъ и съ какимъ то узорчатымъ ожерельемъ, или кольцо съ квадратнымъ украшеніемъ; иногда отъ ожерелья спускается отвѣсно особая привѣска или украшеніе съ квадратомъ на концѣ; на плечевинахъ надѣты иногда браслеты. На мужскихъ истуканахъ также встрѣчаются браслеты на томъ же мѣстѣ. Эти женскія фигуры, обнаженныя до пояса, одѣты иногда въ короткое платье, которое начинается у пояса и идетъ немного ниже колѣнъ. На другихъ бабахъ нѣтъ этого платья, и оно замѣнено узкими штанами и сапогами съ острыми голенищами. Нѣкоторыя женскія фигуры имѣютъ узкіе кафтаны, оканчивающіеся у колѣнъ; на мужскихъ истуканахъ такіе же длинные кафтаны, украшенные нашивками, наплечными украшеніями и съ разными привѣсками (гребень, ножъ и проч.) у пояса. Ноги у каменныхъ бабъ или босыя, или обуты въ сапоги. Наконецъ, всѣ почти бабы, за рѣдкимъ только исключеніемъ, держатъ въ рукахъ сложенныхъ ниже живота, чашу, горшокъ или что то въ родѣ бутылки; у иныхъ — съ углубленіемъ вверху или внизу, — предметъ трудно объяснимый.

Изъ обзора всѣхъ свѣдѣній о каменныхъ бабахъ и изъ изображеній главнѣйшихъ типовъ этихъ памятниковъ, гр. А. С. Уваровъ дѣлаетъ слѣдующія заключенія: а) Чрезвычайно грубая отдѣлка нѣкоторыхъ изваяній, рѣзко отдѣляющаяся отъ сравнительно искусной обработки другихъ изваяній, неоспоримо доказываетъ, что эти памятники не принадлежатъ къ одному и тому же времени. б) Самыя грубыя изваянія по типу представляютъ грубыя обрубки камня, на верхней

части котораго представлена человѣческая голова, между тѣмъ какъ нижняя часть камня осталась необтесанною или обтесана въ видѣ четырехграннаго столба. Другіе истуканы не составляютъ даже и такихъ неполныхъ человѣческихъ изваяній: они состоятъ изъ лица, вырѣзаннаго на камнѣ, а иногда по сторонамъ помѣщаются и другія мелкія изображенія людей, всадниковъ, верблюдовъ, птицъ и четвероногихъ. Такіе памятники встрѣчаются въ Сибири у верховьевъ Енисея, въ землѣ Войска Донскаго, въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи и въ другихъ мѣстахъ. — в) Вторую степень развитія этихъ первоначальныхъ грубыхъ обрубковъ съ человѣческою головою составляютъ бабы, сохранившія отъ первоначальныхъ истукановъ форму столба, но съ изваяніемъ головы болѣе изящнымъ и съ замѣтными слѣдами какого то одѣянія или вооруженія на плечахъ; къ такому роду изваяній относится баба, стоявшая на Чертомлыкскомъ курганѣ, и друг. г) Третій родъ каменныхъ бабъ составляютъ истуканы, болѣе или менѣе отчетливо изваянные, которые или сидятъ или стоятъ, или которые оканчиваются ниже пояса простымъ обрубомъ камня. Эти фигуры обнажены или одѣты. Всматриваясь въ подробности этихъ изваяній, мы находимъ въ нихъ ясные признаки культуры, достигшей довольно высокой степени развитія: серьги, шейныя гривны и круглыя бляхи, браслеты, оружіе и другія металлическія привѣски доказываютъ умѣнье ковать металлы; между тѣмъ какъ кафтаны, отороченные тесьмою и украшенные узорами въ видѣ листьевъ, также ясно доказываютъ развитіе домашняго быта и домашнихъ занятій. При этомъ замѣтимъ, что существованіе истукановъ обоего пола доказываетъ такую степень развитія у народа, воздвигавшаго ихъ, на которой мужчина и женщина пользовались одинакимъ уваженіемъ и одинаковымъ правомъ на памятникъ. Судя по формѣ мечей и ножей, можно, кажется, отнести эти изваянія къ желѣзному вѣку, потому что бронзовыя орудія отличаются совершенно другою формою.— д) Своеобразность всѣхъ этихъ истукановъ и совершенное отсутствіе подражанія греческой скульптурѣ неоспоримо доказываютъ, что ваяніе развилось у этого народа совершенно самостоятельно и съ полнымъ сохраненіемъ народнаго характера.— е) Наконецъ четвертый и послѣдній родъ каменныхъ бабъ составляетъ изваяніе, срисованное Гюльденштедтомъ „на берегу ручья Этака, впадающаго въ Куму, въ Ставропольской губерніи; нижняя часть этого истукана, почти до пояса, состоитъ изъ четырехсторонняго столба съ фигурами и надписью, буквы которой очень схожи съ греческими и славянскими; верхняя часть представляетъ мужскую фигуру. держащую въ рукахъ рогъ; на затылкѣ высѣченъ равносторонній крестъ, у лѣваго бока замѣтны сабля и лукъ, у праваго колчанъ“. (*Güldenstädt*, Reisen

durch Russland und in Caucasischen Gebürge. St.-Petersb. 1791). Это самая южная изъ каменныхъ бабъ Ставропольской губерніи и принадлежитъ временамъ христіанства, судя по высѣченному на затылкѣ кресту.— ж) Всѣ каменныя бабы, по общему между ними сходству и по существующему между этими изваяніями общему типу, какъ въ расположеніи фигуръ, такъ и въ подробностяхъ, должны принадлежать одному и тому же народу, но на разныхъ степеняхъ развитія.—з) Разныя же эпохи, къ которымъ принадлежатъ каменныя бабы, могутъ распредѣлиться въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: *Первая эпоха*—воздвигнуты до начала желѣзнаго вѣка, т. е. до окончательнаго замѣщенія бронзовыхъ орудій желѣзными. Къ этимъ временамъ принадлежатъ сосуды изъ глины, бронза, мѣдь и золото. *Вторая эпоха*—принадлежатъ къ желѣзному вѣку. Для сѣверныхъ странъ, какъ Данія и Шлезвигъ, этотъ вѣкъ начинается приблизительно съ Рождествомъ Христовымъ; для южныхъ странъ желѣзный вѣкъ начинается гораздо ранѣе. Вмѣстѣ съ желѣзомъ появляется теперь серебро, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ металлы бронзоваго вѣка, какъ-то: бронза, мѣдь и золото, встрѣчаются также часто, какъ и прежде; иногда золото является съ примѣсью серебра (electrum), а мѣдь съ примѣсью олова или цинка, въ видѣ свѣтлой желтой мѣди (латунь). *Третья эпоха*, къ которой слѣдуетъ отнести бабу описанную Гюльденштедтомъ, навѣрно принадлежитъ къ IV вѣку, когда христіанство начало распространяться въ древней Сарматіи или нынѣшнемъ Кавказскомъ краѣ.

Изъ всего сказаннаго видно, что всѣ человѣческіе истуканы, какъ сибирскіе, такъ и европейскіе, принадлежали одному и тому же народу, который обиталъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ попадаются каменныя бабы. По свѣдѣніямъ объ этихъ мѣстахъ мы можемъ легко опредѣлить пространство занятыхъ имъ земель. Въ древнѣйшую эпоху этотъ народъ обиталъ у верховья Енисея, Томи въ Минусинскомъ округѣ и въ Сагайской степи до Алтайскаго хребта, и вскорѣ наводнилъ всю южную часть теперешней Россіи до Кіевской губерніи на югѣ и до Калишской губерніи и до Галичины на западѣ. Но потомъ, разъ вышедши изъ центра Азіи, этотъ народъ туда болѣе не возвращался, потому что между сибирскими истуканами не встрѣчается другихъ каменныхъ бабъ, кромѣ самой грубой отдѣлки и безъ признаковъ усовершенствованнаго одѣянія. Границы всего пространства занятыхъ этимъ народомъ земель слѣдующія: на востокѣ бабы найдены были на сѣверѣ отъ Аральскаго и Каспійскаго морей, въ киргизской степи; на юго-востокѣ не доходя Кавказскаго хребта близъ р. Кумы, въ Ставропольской губерніи и въ землѣ Черноморскаго войска, въ Крыму на р. Качѣ, близъ Бахчисарая; на западѣ въ Одесскомъ уѣздѣ, на берегу рѣки Збручи въ Подольской

губерніи, у села Каменки возлѣ Коломы въ Галичинѣ; потомъ, поворачивая на сѣверъ, въ Липовецкомъ уѣздѣ Кіевской губерніи и еще болѣе на сѣверо-западъ, въ самой Калишской губерніи; сѣверная граница простирается отъ запада на востокъ черезъ Минскую губернію, Хотмыжскій и Обоянскій уѣзды Курской губерніи, Ахтырскій уѣздъ Харьковской губерніи, Воронежскую губернію, Балашевскій и Аткарскій уѣзды Саратовской губерніи, до береговъ Самары у Новосергіевской въ Бузулукскомъ уѣздѣ Самарской губерніи.

Академикъ Зуевъ, путешествовавшій по Россіи въ 1781 и 1782 гг., говоря объ одной бабѣ, видѣнной имъ въ окрестностяхъ днѣпровскихъ пороговъ, замѣчаетъ, что таковыхъ каменныхъ болвановъ находится *множество*, какъ мужскаго и женскаго пола, по обѣимъ Новороссійской и Азовской губерніямъ, а эти губерніи заключали тогда въ себѣ нынѣшнія — Екатеринославскую, Таганрогское градоначальство и землю Донскихъ казаковъ съ частями губерній: Таврической, Херсонской, Полтавской и Харьковской. (Путешествен. записки В. Зуева, Спб. 1787). Другой путешественникъ, академикъ Палласъ, обозрѣвавшій Россію въ 1793 и 1794 гг., видѣлъ каменныхъ бабъ на пространствѣ южной Россіи отъ Терека и Кубани до береговъ Днѣпра, и сверхъ того въ Сибири на Енисеѣ и Иртышѣ, и на Самарѣ и Волгѣ; но въ степяхъ приволжскихъ, говоритъ Палласъ, вовсе нѣтъ никакихъ болвановъ (Pallas, Bemerkungen auf einer Reise etc. Leipzig, 1799 г., I. Bd.).

Изъ позднѣйшихъ изслѣдователей А. Терещенко (въ 1852—54 гг.) изслѣдовалъ и описалъ множество бабъ въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ и В. И. Мочульскій въ своихъ историко-географическихъ изысканіяхъ южной Россіи въ 1847 году встрѣчалъ также еще много истукановъ по системѣ рр. Дона, Донца и Днѣпра до Дуная. Къ статьѣ графа А. С. Уварова о каменныхъ бабахъ въ Трудахъ I-го археологическаго съѣзда приложена небольшая карта мѣстонахожденія бабъ въ Азіи и Европѣ.

Вопросъ о каменныхъ бабахъ вовсе не новый въ наукѣ, но для рѣшенія не легкій и крайне сбивчивый. Къ какому времени нужно отнести ихъ происхожденіе? Какой народъ поставилъ эти изваянія въ степяхъ южной Россіи и для какой цѣли?

Каменныя бабы нѣкоторыми изслѣдователями принимались за изваянія особыхъ божествъ, а также за изображенія лицъ, погребенныхъ въ самомъ курганѣ, а къ этому послѣднему толкованію относятся свѣдѣнія, изложенныя Д. Банзаровымъ въ его книгѣ: Черная вѣра или шаманство у монголовъ (Казань. 1846): „Поклоненіе предкамъ принадлежитъ къ числу повѣрій, находимыхъ у многихъ народовъ; источникъ его заключается въ мысли о безсмертіи души. Кромѣ различныхъ мнѣ-

ній о состояніи человѣческой души послѣ смерти, мысль о безсмертіи обнаруживается у всѣхъ народовъ въ обрядахъ, соблюдаемыхъ послѣ смерти человѣка, каковы: похороны, поминки и другіе обычаи, въ которыхъ также видна горесть человѣка, неохотно разстающагося съ умершимъ. Отъ одного изъ такихъ обычаевъ, если вѣрить преданію, началось въ средней Азіи поклоненіе предкамъ. Когда умиралъ у когонибудь любимый человѣкъ, то его сыновья, дочери, старшіе и младшіе братья, сдѣлавъ фигуру на подобіе покойника, хранили ее въ своихъ домахъ; они почитали ее, ставили передъ нею первое блюдо, цѣловали ее и поклонялись ей, говоря: это изображеніе такого-то, нашего (любимца). Кромѣ Абулгаза, Рубрубквисъ повторяетъ то же самое, слышанное имъ изъ устъ народа, а проф. Казембекъ нашелъ то же преданіе у одного арабскаго писателя“.—Другіе изслѣдователи полагали, что каменныя бабы не суть могильные памятники, а изображенія нимфъ, находя въ нихъ сходство съ женевскими изображеніями и приписывали сооруженіе тѣхъ изваяній кельтамъ, занимавшимъ нѣкогда страны Новороссійскаго края (*Фаберъ*, въ Записк. Одесск. Общ. Истор. и Древностей, т. II и *Терещенко*, въ Очеркахъ Новороссійскаго края, ст. 3, Ж. М. Н. П. 1853, іюль). По мнѣнію Кеппена, каменныя бабы служили идолами для поклоненія; онъ основываетъ свое мнѣніе частію на томъ, что въ нѣкоторыхъ курганахъ, разрытыхъ въ 1842 году меноннстомъ Корнисомъ, около устья рѣки Молочной, вовсе не было найдено человѣческихъ остововъ, между тѣмъ какъ въ одной изъ могилъ находились куски каменной бабы (*Брунъ*, Скифія Геродота, вып. 2, 1872). Поэтому всѣ существующія предположенія ученыхъ изслѣдователей касательно появленія бабъ, весьма различны. Рубруквисъ, какъ указано выше, приписываетъ устроеніе ихъ куманамъ или половцамъ (народу Тюркскому). Клапротъ, на основаніи монгольскаго очертанія лица каменныхъ бабъ, приписываетъ эти истуканы Гуннамъ (*Klaproth*, Reise in den Kaukasus. Halle u. Berlin. 1812. I. Bd). Гюльденштедтъ приписываетъ ихъ ногайцамъ. Палласъ различаетъ два рода истукановъ: одни, которыхъ изображенія приложены къ его путешествію, относятся имъ къ Гуннамъ, а другіе, болѣе новые, описанные Гюльденштедтомъ, принадлежатъ уже ко временамъ христіанскимъ; могилы съ бабами на берегахъ Самары онъ приписываетъ татарамъ нагайскимъ или киргизъкайсакамъ Г. И. Спасскій считаетъ каменныя бабы въ окрестностяхъ Азовскаго моря, на Днѣпровскихъ степяхъ и въ Сибири также за произведенія Гунновъ (Записки Русскаго Географич. Общ. т. 12). Онъ находитъ, что сибирскія бабы изсѣчены съ меньшимъ искусствомъ, чѣмъ днѣпровскія и азовскія и что сибирскія представляютъ болѣе изображенія мужчинъ, чѣмъ женщинъ, а въ южной Россіи бываетъ наоборотъ,

отчего и самые истуканы получили названіе каменныхъ бабъ (Днѣпровскіе курганы, въ запискахъ Одесск. Общ. т. I). Спасскій замѣчаетъ, относительно того загадочнаго предмета, который держатъ въ сложенныхъ рукахъ, ниже живота, почти всѣ бабы, что это жертвенная чаша, какая встрѣчается, какъ обыкновенная принадлежность, у монгольскихъ бурхановъ (божковъ). А. Терещенко полагаетъ, что каменныя бабы — произведенія не одного народа, а многихъ, такъ какъ отдѣлка нѣкоторыхъ изваяній рѣзко отличаетъ ихъ отъ сравнительно искусной обработки другихъ изваяній; онѣ представляютъ намъ какъ бы портретную галлерею различныхъ націй, которыя, въ теченіи вѣковъ, являлись въ нашихъ степяхъ, проходили по нимъ и исчезали. „Онъ упоминаетъ о нѣкоторомъ сходствѣ нашихъ истукановъ съ изваяніями, находящимися близъ Женевы и извѣстными подъ названіемъ la pierre aux dames или la pierre aux démoiselles. Потомъ онъ говоритъ, что нѣкоторые ученые усиливались доказать сходство нашихъ каменныхъ бабъ съ кумирами, разбросанными по средней Азіи и южной Америки, опираясь на мнѣніе Гумбольдта и на рисунки Д'Орбиньи, но они забываютъ, что кумиры лишены всѣхъ тѣхъ нарядовъ, въ какіе облечены наши каменныя бабы. Наконецъ, основываясь на раскопкѣ Александропольскаго кургана, Терещено утверждаетъ, что каменныя бабы воздвигались на скиѳскихъ курганахъ, и что очертанія лицъ каменныхъ бабъ вовсе не представляютъ типа комановъ, отрасли монголовъ, а скиѳовъ, имѣвшихъ болѣе европейскій или греческій обликъ". (Кромѣ указанной выше статьи, см. еще: О могильныхъ насыпяхъ и каменныхъ бабахъ въ Екатеринославск. и Таврич. губ. въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1866, кн. 4). В. И. Мочульскій находилъ эти загадочные истуканы какъ на земляныхъ насыпяхъ, вертикально поставленными и лицами, обращенными къ востоку, а также близъ дороги, или зарытыми внутри кургановъ; вышиною они отъ 3 до 10 футовъ. Нахожденіе каменныхъ бабъ зарытыми въ курганахъ могло произойти отъ того, что народы, ставившіе ихъ, во время притѣсненія и нашествія другихъ народовъ сами зарывали эти памятники въ землю, какъ свою святыню, чтобы сохранить отъ поруганія и разрушенія [1]). Если вѣрить Геродоту, говоритъ Мочульскій, что Савроматы, какъ онъ положительно утверждаетъ, жили при истокѣ и въ системѣ Дона, то тамъ находящіяся во множествѣ камен-

[1]) Проф. И. Ф. Леваковскій разсказывалъ мнѣ объ одномъ извѣстномъ ему случаѣ находки 12 каменныхъ бабъ въ Бахмутскомъ уѣздѣ въ одномъ небольшомъ курганѣ (нѣсколько болѣе аршина вертикальной высоты), на уровнѣ окрестной земли; ниже этихъ бабъ былъ найденъ глиняный кувшинъ съ пепломъ; профессоръ видѣлъ этихъ бабъ уже вынутыми и разбитыми; въ какомъ положеніи онѣ находились въ курганѣ,— не припоминаетъ, такъ какъ событіе это довольно давнее.

ныя бабы нельзя приписать никакому другому народу, какъ только Савроматамъ, потому что ни одинъ народъ тамъ такъ долго не жилъ, какъ Савроматы; а какъ Савроматы были выходцы изъ Мидіи, гдѣ уже многія столѣтія процвѣтали искусства, то они могли перенести съ собою оттуда и искусство ваянія и имѣли довольно времени, чтобы воздвигнуть въ степяхъ южной Россіи такіе памятники, какъ каменныя бабы. Ихъ нельзя признать за произведенія скиѳскаго народа; Геродотъ и другіе писатели, передавая много свѣдѣній о Скиѳахъ, нигдѣ не упоминаютъ о каменныхъ бабахъ. Скиѳы заимствовали свое образованіе отъ Грековъ и позднѣйшее ваяніе ихъ походитъ на греческое, чего въ каменныхъ бабахъ мы не встрѣчаемъ. Скиѳы носили усы и бороды длинные, но не заплетенные въ косы волосы, имѣли острый, но не широкій носъ, чего въ каменныхъ бабахъ мы не находимъ. Приписать устроеніе каменныхъ бабъ Куманамъ или Половцамъ, по мнѣнію Мочульскаго тоже едва ли можно, потому что Половцы пришли къ намъ изъ-за Волги во время господства уже въ Россіи и средней Азіи такъ называемаго желѣзнаго вѣка; между тѣмъ, всматриваясь въ украшенія каменныхъ бабъ, мы встрѣчаемъ нерѣдко украшенія бронзоваго вѣка. (Объ историко-географ. изысканіяхъ В. Г. Мочульскаго о курганахъ и каменныхъ бабахъ южной Россіи, въ Трудахъ Антропол. Отдѣла Общ. Любит. Естествозн. кн. II, вып. I. Москва 1876). Филаретъ принимаетъ, что статую съ курганами ставили въ южной Россіи монгольскія племена, каковы были Гунны и Половцы; онъ считаетъ лица и всѣ общія принадлежности статуй южной Россіи—чисто монгольскими, а лица сибирскихъ истукановъ—кавказскими. По вопросу: что означаютъ южныя статуи съ курганами и кто поставилъ ихъ? Филаретъ говоритъ: „Извѣстно, что язычники дѣлали насыпи и ставили на нихъ истуканы въ честь боговъ своихъ. Царь Езекія, за 8 столѣтій до Рожд. Христ., разсыпалъ курганы и разрушилъ истуканы, какъ соблазнительныя дѣла нечестиваго языческаго суевѣрія (4 Царств. 18, 4). По этому отзыву исторіи не можемъ сомнѣваться, что и курганы южной Россіи съ ихъ истуканами имѣли религіозное значеніе. Но кѣмъ они воздвигнуты? Г. Фабръ недавно доказывалъ, что каменныя бабы южной Россіи—нимфы Кельтовъ. Странная мысль! Уже ли Кельты монгольской породы? Рубруквисъ въ 1253 г. писалъ о Команахъ—Половцахъ. Не станемъ настаивать на томъ, что Рубруквисъ передаетъ неправду о Половцахъ, придуманную злившимися на нихъ татарами. И однако несомнѣнно, что въ южной Россіи стояли статуи прежде, чѣмъ извѣстны стали Половцы (Историко-статистическое описаніе Харьковск. епархіи, отд. V. Харьковъ 1858, стр. 112—114). Но кто же дѣйствительно ставилъ каменныя бабы? Этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ иначе,

какъ изслѣдованіемъ самихъ насыпей или кургановъ, на которыхъ стояли эти изваянія. Очень важно обратить вниманіе на раскопки подобныхъ кургановъ и на выводы, которые можно сдѣлать изъ этихъ раскопокъ. Но такихъ изслѣдованій производилось до сихъ поръ еще очень мало.

Почти около столѣтія протекло съ того времени, какъ академики Зуевъ и Палласъ видѣли множество каменныхъ бабъ на югѣ Россіи. Въ этотъ промежутокъ времени, безъ сомнѣнія, болѣе чѣмъ половина этихъ истукановъ истреблена. Наши простолюдины не имѣютъ и не заботятся сохранять памятники древности: они снимаютъ эти болваны съ могильныхъ насыпей и употребляютъ на свои надобности, то полагая ихъ въ основаніе вѣтряныхъ мельницъ, плотинъ и гатей, то при бойняхъ, то разставляя по полямъ вмѣсто межевыхъ знаковъ или при воротахъ и калиткахъ своихъ домовъ вмѣсто статуй, и въ садахъ вмѣсто пугалъ. *По свидѣтельству В. Пассека, въ одномъ имѣніи помѣщицы Шидловской (Харьк. губ.) истреблено было въ тридцатыхъ годахъ почти болѣе 30 каменныхъ бабъ.* Извѣстный ученый Н. И. Надеждинъ написалъ небольшую замѣтку о каменныхъ бабахъ для бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ графа А. А. Перовскаго, интересовавшагося русскими древностями. Вслѣдствіе этой записки сдѣланы были министромъ запросы о мѣстонахожденіяхъ каменныхъ бабъ начальствамъ разныхъ губерній, отъ которыхъ и получены были свѣдѣнія. Извлеченія изъ этихъ свѣдѣній напечатаны были въ видѣ небольшой статьи: о мѣстонахожденіи каменныхъ бабъ въ Россіи, А. А. Пискарева, въ Запискахъ Имп. Археол. Общ. т. III, Спб. 1851. Замѣтка Надеждина о каменныхъ бабахъ напечатана была позднѣе, въ Извѣстіяхъ Импер. Археол. Общ. т. I, вып. 3, Спб. 1859, съ примѣчаніемъ о результатѣ этой замѣтки, И. С. Савельева, нашедшаго ее въ бумагахъ покойнаго.

На пространствѣ, обозначенномъ Зуевымъ и Палласомъ, по словамъ Г. Пискарева, еще и въ настоящее время (т. е. въ 1851 г.) насчитывается болѣе 650 каменныхъ бабъ. Изъ представленнаго имъ далѣе подробнаго списка мѣстъ по губерніямъ, въ которыхъ находятся эти бабы, видно, что наибольшее число ихъ находилось въ Екатеринославской губерніи, или, точнѣе, между Днѣпромъ и Донцомъ, именно: 428. Въ другихъ мѣстахъ число ихъ оказалось значительно меньше, именно: въ Таганрогскомъ градоначальствѣ 54, въ Таврической губерніи 44, въ Харьковской губерніи 43, въ Херсонской губерніи 11, въ Кіевской губерніи 2, въ Полтавской губерніи 5, въ Воронежской губерніи 4, въ Саратовской—3, въ Астраханской и Рязанской по 1, въ землѣ Войска Донскаго 37, въ Ставропольской губерніи 5 и въ Енисейской 12 бабъ. Вотъ списокъ всѣхъ бабъ Харьковской губерніи, приводимый въ статьѣ

г. Пискарева: въ *г. Харьковѣ* на дворѣ тамошняго начальника губерніи (въ 1844 году, замѣчаетъ г. Пискаревъ, я видѣлъ эту бабу въ углу за дровами). Въ *Харьковскомъ уѣздѣ*: въ 12 верстахъ отъ Харькова, въ дачахъ слободы Рогани, неподалеку отъ чугуевской почтовой дороги, въ полѣ на курганѣ—1; въ слободѣ Рогани, на дворѣ помѣщика князя Шаховскаго—1; въ слоб. Карасевкѣ, въ саду помѣщика Хрущева—2; въ слоб. Основѣ, близь дома и сада помѣщика Квитки—2, мужчина и женщина, у обоихъ волосы заплетены въ косу. Въ *Валковскомъ уѣздѣ:* въ селѣ Старомъ-Мерчикѣ—4; въ дер. Федоровкѣ—5; въ сл. Огульцахъ, въ крѣпостномъ лѣсу казеннаго крестьянина—2. Въ *Ахтырскомъ уѣздѣ*, по лѣвую сторону дороги изъ слоб. Хухры въ слоб. Котельву, на землѣ Котелевскихъ казенныхъ крестьянъ, стоитъ одна баба, вмѣсто межеваго столба. Въ *Зміевскомъ уѣздѣ*: на дачѣ помѣщицы Рядовой—1; въ саду помѣщика де Скалона—1; на дачѣ помѣщицы Ковалевской—1; въ имѣніи помѣщицы Девіеръ—1. Въ *Изюмскомъ уѣздѣ*: въ Святогорской вотчинѣ помѣщика Потемкина—3; въ Бугаевской экономіи помѣщика Захаржевскаго—2; въ Стратилатовской экономіи помѣщика Малиновскаго—2; въ Курулькской экономіи помѣщика Мартынова—1; въ имѣніи Ковалевскаго—1; въ казенныхъ дачахъ гор. Изюма—2; въ казенныхъ дачахъ слоб. Савинцева—2; въ казенныхъ дачахъ слоб. Долгинской—2; близь слоб. Ямполя—2; на степи сл. Большой Камышевахи—1; близь селенія Мечебѣловой—1. Въ *Купянскомъ уѣздѣ*: въ имѣніи помѣщицы Елли—1.

Этотъ списокъ, какъ офиціально составленный, не долженъ, конечно отличаться полнотою. Другія лица, занимавшіяся изслѣдованіями древностей Харьковскаго края, сообщаютъ о каменныхъ бабахъ скудныя свѣдѣнія. В. Пассекъ, ревностно изслѣдовавшій курганы и городища Харьковской губ. и, къ сожалѣнію, рано похищенный смертью, говоритъ о Харьковскихъ каменныхъ бабахъ немногое: „На пространствахъ между Ворсклою и Донцомъ и между Донцомъ и Осколомъ находятся истуканы, называемые здѣсь бабами. Нѣкоторые изъ нихъ стоятъ на вершинахъ кургановъ, какъ, напр. по дорогѣ изъ Харькова на Чугуевъ, близь слоб. Рогани (она стоитъ тамъ и въ настоящее время). Всѣ они сдѣланы изъ крѣпкаго песчаника, изображаютъ нѣкоторые мужчинъ, а другіе женщинъ; мужскіе истуканы по большей части выше женскихъ и работы ихъ грубѣе; иные изъ нихъ до 3-хъ, другіе до 4 и 5 аршинъ; но послѣднихъ немного. Въ землѣ скрыта ихъ четвертая и даже третья доля. Всѣ мною видѣнные не имѣли платья; у нѣкоторыхъ мужчинъ и многихъ женщинъ видны косы; у другихъ женщинъ замѣтенъ какой то нарядъ, похожій на кокошникъ, носимый женщинами въ Тульской губ. и Черемисками. Неизвѣстно: гдѣ застали ихъ

первые малороссійскіе поселенцы? Не пострадали ли они отъ Татаръ и другихъ народовъ и многіе ли были здѣсь туземными, и многіе ли перевезены изъ новороссійскаго края? Извѣстно только, что истуканы, стоящіе теперь на курганахъ здѣшней губерніи, найдены въ полѣ и поставлены вмѣсто межевыхъ столбовъ. *Въ Харьковскомъ уѣздѣ, въ имѣніи г-жи Шидловской, считается ихъ болѣе 30; но всѣ они перевезены изъ Новороссійскаго края, и многіе испорчены прикрасами и передѣлками.* На дорогѣ изъ Харькова въ Валки, верстахъ въ 32-хъ отъ перваго, видна одна изъ сихъ статуй величиною болѣе 4 аршинъ; она состоитъ изъ камня толщиною четверти въ 2, а шириною въ 3 и болѣе. Она представляетъ сдѣланную, частію высоко выдавшимся барельефомъ, а частію полными формами, женщину съ обнаженной грудью и въ одеждѣ, похожей на юпочку, закрывающую ноги немного ниже половины икры; на самыхъ ногахъ обуви не замѣтно. Это одна статуя, какую видѣлъ я въ одеждѣ, и одна—сдѣланная барельефомъ. (По замѣчанію А. И. Пискарева, эта баба, видѣнная Пассекомъ въ 1836 году, не показана въ его спискѣ, потому что онъ не получилъ о ней мѣстныхъ свѣдѣній). Въ Харьковѣ много статуй въ частныхъ садахъ: нѣсколько въ садахъ губернатора и г. Витковскаго, и двѣ на дачѣ сенатора А. Ф. Квитки. Въ Изюмскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Адамовкѣ, у помѣщика Адамова, верстахъ въ 12 по Донцу выше Славянска, находятся близь крыльца господскаго дома 2 статуи, изображающія женщинъ, величины замѣчательной. Одна изъ нихъ держитъ что то въ родѣ стакана, или небольшаго цилиндра, опустя руки къ нижней части живота. Въ военномъ поселеніи, въ деревнѣ Кременной, находятся 2 большія статуи, совершенно забытыя. Въ томъ же уѣздѣ, въ казенной засѣкѣ, есть статуя, но уже попорченная и съ отбитыми руками". (В. Пассекъ, Курганы и городища въ Харьковской губ., въ Ж. М. В. Д. 1837 г., ч. 25, № 9).

Въ другой своей статьѣ: Курганы и городища Харьковскаго, Валковскаго и Полтавскаго уѣздовъ, написанной въ 1839 г. (Русскій историческій сборникъ т. 3, кн. 2, Москва 1839), В. Пассекъ говоритъ о бабахъ только слѣдующее: „*Статуй или каменныхъ бабъ* въ осмотрѣнныхъ мною уѣздахъ мало, и при томъ всѣ привезены изъ новороссійскаго края или изъ-за Донца. Къ сожалѣнію многія изъ нихъ сильно повредились. Болѣе 30 статуй въ имѣніи г-жи Шидловской, привезенные съ Кавказа, почти совершенно истреблены. Подлѣ дачи бывшаго министра Квитки двѣ статуи (мужчина и женщина, у обоихъ волосы заплетены въ косу) сохранились бережно; статуя на большой дорогѣ изъ Харькова въ Валки также уцѣлѣла, хотя обстоятельства столкнули ее съ большой дороги въ канаву. Не затрудняя ученое общество (Московское Общество исторіи и древностей россійскихъ) подробнымъ

описаніемъ каменныхъ бабъ [1]), я рѣшилъ доставить три изъ нихъ на лицо и выбралъ для этого главные типы. За уступку ихъ я не могу не высказать моей признательности Харьковскому Губернатору Г. Устимовичу".

Филаретъ говоритъ о курганахъ съ каменными бабами въ Харьковской губерніи слѣдующее: „Въ 3-хъ верстахъ отъ Мечебѣловой слободы (Изюмскаго уѣзда, въ 70 верстахъ отъ г. Изюма) стоитъ курганъ 30 саж. въ окружности и 6 вышины, съ каменной бабою, обращенной лицомъ къ востоку. По дорогѣ отъ Мечебѣловой къ Великой Камышевахѣ (слобода того же уѣзда, въ 7 верстахъ отъ Донца) тянется рядъ кургановъ; самый близкій 78 саж. въ окружности и 6 саж. вышины; въ 3-хъ верстахъ отъ Мечебѣловой два кургана; на нихъ стояли двѣ бабы, статуи, одна съ лицомъ мужчины, другая съ женскимъ лицомъ; обѣ статуи нынѣ (т. е. въ 1858 году) въ самой Мечебѣловой, у воротъ г-жи Б—вой. Не доѣзжая 3 верстъ до Великой Камышевахи—курганъ 85 саж. въ окружности и 4 саж. вышины; въ верстѣ отъ него другой такой же курганъ. На нихъ стояли статуи, одна съ лицомъ мужчины, другая съ лицомъ женщины: обѣ находятся въ имѣніи г-на Романовскаго. Влѣво отъ перваго изъ этихъ кургановъ, по Берекѣ и Донцу, идетъ до Спѣваковскихъ полей (Спѣваковка, на лѣвой сторонѣ Донца, въ 17 верстахъ отъ Изюма) рядъ кургановъ, всего до 16. По р. Берекѣ же въ 3 верстахъ отъ Дмитріевки стоитъ курганъ съ двумя статуями, которыя обѣ съ женскимъ лицомъ. Въ 4 верстахъ отъ Даниловки (того же уѣзда) на горѣ стоитъ курганъ 60 саж. въ окружности. Здѣсь стояли двѣ статуи, но онѣ, при заселеніи мѣстности, разбиты крестьянами и употреблены на стояны подъ зданія. Вообще въ Харьковской губерніи не скоро можно найти подобные истуканы на ихъ собственныхъ мѣстахъ. Такъ въ слободѣ Каплуновкѣ, Богодуховскаго уѣзда, въ саду помѣщика стоятъ 5 статуй, замѣчательныхъ по своему виду, но онѣ привезены сюда изъ другихъ мѣстъ. Одна изъ нихъ съ треугольною коническою шапкою на головѣ, съ перевязью на груди, изображаетъ мужчину высокаго роста, прочія 4—женскія лица, но одна съ шапочкою, покрытою покрываломъ, спущеннымъ на плеча, а двѣ съ одною круглою шапочкою на головѣ. Извѣстно, что точно такія же статуи находятся по всему югу и частію по юго-востоку Росссіи". (Историко-статистическое описаніе Харьковск. епархіи. Отд. V. Харьк. 1858, стр. 110—112).

Остается упомянуть еще о тѣхъ шести каменныхъ бабахъ, которыя размѣщены на дворѣ главныхъ университетскихъ зданій въ г. Харь-

[1]) За такое описаніе любители исторіи были бы очень благодарны. *Редак.* (Замѣтка въ Русск. Истор. Сборн., Погодина, III, 226).

ковѣ, при музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей; онѣ сняты съ кургановъ не Харьковской губерніи, а Новороссійскаго края, откуда онѣ какими то судьбами попали во дворъ губернаторскаго дома въ Екатеринославѣ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, по заявленію профессора русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ А. П. Зернина, совѣтъ университета поручилъ профессору И. Ф. Леваковскому передать екатеринославскому губернатору графу А. К. Сиверсу просьбу совѣта объ уступкѣ тѣхъ бабъ Харьковскому университету. Графъ А. К. Сиверсъ весьма сочувственно отнесся къ этой просьбѣ и оказалъ возможное содѣйствіе для доставленія всѣхъ шести каменныхъ бабъ въ г. Харьковъ. Издержки на доставку университетъ принялъ на свой счетъ.

Для того, чтобы придти къ удовлетворительнымъ ученымъ результатамъ относительно описанныхъ загадочныхъ истукановъ, разбросанныхъ по широкимъ степямъ Россіи и еще не вполнѣ истребленныхъ, необходимо собрать всѣ извѣстія о каменныхъ бабахъ, разсѣянныхъ въ разныхъ путешествіяхъ по Россіи и изслѣдованіяхъ, старыхъ и новыхъ, русскихъ и иностранныхъ, и составить полное и подробное описаніе всѣхъ бабъ, еще сохранившихся. Поэтому нельзя не высказать вновь того желанія, съ которымъ обращался еще въ 1851 году А. И. Пискаревъ въ заключеніи своей статьи,— чтобы любители древностей и живущіе вблизи нахожденія этихъ памятниковъ глубокой старины, обратили на нихъ свое вниманіе и сообщили тѣ свѣдѣнія, какія можно собрать объ этихъ истуканахъ на мѣстѣ.

Составилъ *Г. С. Чириковъ.*

1879 г.

Отдѣльн. оттиски изъ „Запис. Имп. Харьк. Унив.“ 1901 г.

Харьковъ. Типографія и Литографія Зильберберга. Рыбная, № 30.